

УДК 008.001

ББК 71.4

Л 97

С.А. Ляужева,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 89286693541, e-mail: lyausheva@rambler.ru

А.А. Нагой,

кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 89627627555

Влияние культурной политики на культурную идентичность

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются принципиальные подходы государства к формированию культурной политики. Предлагаются определения культурной политики и на примере различных государств оцениваются ее возможные модели. Также в статье содержится анализ влияния культурной политики на культурную идентичность и культурную самобытность наций.

Ключевые слова: культура, культурная политика, модели культурной политики, культурная идентичность.

S.A. Lyausheva,

doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of philosophy and sociology of the Adyghe State University, Maykop, Tel. 89286693541, e-mail: lyausheva@rambler.ru

A.A. Nagoy,

candidate kulturologie, Associate Professor of the Department of philosophy and sociology of the Adyghe State University, Maykop, Tel. 89627627555

Influence cultural policy for cultural identity

Annotation. In the article analyses the fundamental approaches to the formation of cultural policy. Proposed definition of cultural policy and on the example of the various States are evaluated its possible models. Also the article contains an analysis of the influence of cultural policy on the cultural identity and the cultural identity of Nations.

Keywords: culture, cultural policy, the model of cultural policy, cultural identity.

Социокультурную ситуацию в современной России и в каждом ее регионе определяют кризисные явления в социально-экономической, политической и духовной жизни. По оценкам многих специалистов, налицо тенденции к вымыванию духовной самобытности российской культуры, нивелирование культурной самобытности отдельных территорий и поселений. Коммерциализация сферы культуры обусловила расцвет массовой культуры преимуще-

ственно американского образца, что ведет к утрате национально-культурной идентичности, к разрушению культурной индивидуальности. Серьезные изменения фиксируются в общественном сознании. Оно заметно переориентировано с духовных ценностей на ценности материальные.

Характерно, что названные приметы времени обнаруживают черты сходства с аналогичной ситуацией начала XX столетия. В этой связи

крайне актуальными представляются суждения известного русского религиозного философа Г. Федотова о духовно-нравственном облике предреволюционной России: они во многом совпадают с теми описаниями, которые дают многие современные авторы. В работе «Судьбы и грехи России» Г. Федотов отмечал ряд характерных черт духовного мира страны, и в их числе — торжество ценностей западной цивилизации, интенсивное их освоение в упрощенном, американском варианте [1]. «Американизм» современной ему России он описывал так: «Россия отвергает все глубокие слои западной культуры — от античности до либерализма — но жадно бросается на последние слова ее нового, американского дня» [2].

Г. Федотов отмечал растущий в российском обществе культ потребительства, громко кричащую «потребность комфорта, жажду устроиться прочно и навсегда на этой земле, не нуждающейся в преобращении», «праздничное обжорство» сытых [3]. Для начала XX в., отмечал Г. Федотов, характерен взрыв сепаратизма, раздирающего тело России, как следствие роста и укрепления национального самосознания всех народов.

Все вместе взятое вело, как справедливо замечал философ, к снижению уровня культуры за счет ее нивелирования, «закрытия источников высшей культуры» для тех, кто жаждал приобщиться к истинно духовным ценностям; к нравственной деградации различных слоев российского общества. Российской духовной жизни свойственен «амморализм гражданский и политический, — писал он, — малодушие, забитость и предательство в остатках старой России, хищничество, жестокость, разгул новой демократии, расшатанность семьи и оголенность пола, особенно в среде молодежи, алкоголизм рабочих и т.д.» [4]. Проник в культуру начала века и нигилизм, ставший следствием активного освоения западных ценностей: «Первое прикосновение московской души к западной культуре, — писал Г. Федотов, — почти

скидывается нигилизмом: разрушение старых устоев опережает плоды воспитания. Человек, потерявший веру в Бога и царя, утрачивает и все основы личной и социальной этики», живет в «вывороченной наизнанку системе ценностей» [5].

Современный культуролог Л. Буева, исследуя актуальные процессы в духовной жизни России конца XX столетия, также определяет социокультурную ситуацию как критическую и объясняет ее природу. По ее мнению, такая ситуация имеет своей причиной не только «отсутствие или недостаток веры в Бога, которое произошло в результате гонений на религию, разрушения церковей, насилия над пастырями... Дело в том, что в «светском» пространстве человеческого бытия были уничтожены «сакральные» зоны, не допускающие цинизма, нигилизма и глумления над тем, что связано или с антропологическими пределами человеческой жизни (священность материнства, отцовства, детства, рождения и смерти, ценность человеческой жизни), или с определенными «границами» человеческого духовного образа, с утратой которого человек может называться «особью», но не человеком в смысле разумного, духовного, культурного существа. Строго говоря, снятие этих «культурных одежд» с человека есть процесс «вторичного одичания», который равносителен антропологической катастрофе, ибо человек не может обеспечить свое биологическое бытие вне культуры. Культура не только и не столько украшение жизни, которое может быть, а может и не быть, а специфический способ бытия».

Практически тот же диагноз современной социокультурной ситуации дает Н. Денисов: «Конец XX века характеризуется кризисным духовным состоянием общества, созерцательностью, бесцельностью, безыдейностью, распадом внешней и внутренней организации социума, угрозой государственной и личной безопасности, биполярной сутью созидания и разрушения человека, что в совокупности провоцирует социальные конфликты

на индивидуальном и общественном уровнях».

Понятно, что в условиях системного кризиса, поразившего Россию, научная общественность все чаще обращается к исследованию культуры и ее возможностей позитивно повлиять на реальные общественные процессы. Этим обусловлено и наше внимание к проблемам культуры и особенно к культурной политике, по поводу определений которой существует несколько точек зрения.

В. Жидков рассматривает культурную политику как «деятельность, предполагающую формирование основанных на общественном согласии концептуальных представлений о месте и роли культуры в жизни общества, о должном состоянии культурной (художественной) жизни, определение приоритетных целей развития культуры, составление программ и их реализацию с помощью распределения различного вида ресурсов» [6; 12]. Такое определение представляется интересным, но излишне описательным и в то же время оставляющим много неясных вопросов: что понимать под общественным согласием и как, с помощью каких механизмов, какой политики оно достигается; что понимать под должным состоянием культурной, в том числе художественной, жизни; в каком соотношении находятся составляемые различными авторами программы и различного вида ресурсы.

Г. Бирженюк определяет культурную политику как «деятельность государства в целях реализации прав всех субъектов общества свободно участвовать в культурной жизни, обеспечения сохранения и обогащения культурной самобытности, развития межкультурных контактов. Приоритеты этой деятельности основаны на общественном согласии и концептуальном представлении о месте и роли культуры в жизни общества, а содержание предполагает: выявление ведущих направлений развития культуры, исходя из должного состояния культурной жизни и реальных проблем; разработку или инициирование в соответствии с при-

оритетами различных социокультурных программ; поддержку и реализацию программ путем распределения различного вида ресурсов: материальных, финансовых, кадровых и информационных».

Проанализировав приведенные и другие определения сути культурной политики, мы сочли оптимальными идеи о культурной политике И. Горловой [7]. Опираясь на них, под культурной политикой будем понимать теоретическую и практическую (организаторскую, экономическую, кадровую и т.п.) деятельность государства и других привлекаемых им субъектов (творческие союзы, меценаты, ведущие деятели культуры и искусства, наиболее активные группы населения), направленную на максимально возможное обеспечение полноценной духовной жизни общества и личности, реальное повышение роли культуры в развитии и самореализации человека, а также сохранение национальной самобытности народов, утверждение их достоинства.

Социальная напряженность, сложившаяся в мире, обострила внимание научной общественности к вопросам ответственности государства в сфере культуры, к проблемам культурной политики, главными принципами которой должны стать следующие: а) никакие международные и национальные программы общественного развития не обеспечивают оптимального результата, если не учитывают потребностей культурного прогресса народов, не включают в себя необходимые культурные аспекты; б) в мире не могут быть реализованы унифицированные мировые модели общественного, особенно культурного, развития, поскольку в таком случае речь пойдет об игнорировании культурной самобытности народов, деформации их самосознания; в) сохранение и использование культурного наследия, создание условий для приобщения всех граждан к духовным ценностям и культурной деятельности, развитие творческого потенциала каждого есть такая же область ответственности любого государства, как и обеспечение достойных условий

жизни, сохранение природной среды, национальная безопасность.

Для культурологии немалый интерес представляют разработки исследователями типологий культурной политики: они позволяют находить наиболее целесообразные модели теоретической деятельности государства и его органов в сфере культуры и результативные механизмы реализации этих моделей в самых разных социально-экономических и политических условиях.

Одним из первых четыре крупных типа культурной политики государства выделил французский философ Абраам Моль. Анализируя роль средств массовой информации, и в частности — радио, в духовной жизни общества и выявляя роль государства в этой сфере общественной жизни, А. Моль назвал следующие типы культурной политики: 1) популистская, или «демагогическая», ставящая своей целью наибольшее удовлетворение потребностей наибольшего числа людей из данного общества. По мнению автора, такая политика реализуется скорее всего в Соединенных Штатах Америки; 2) патерналистская, или «догматическая» культурная, политика разрабатывается и реализуется политической партией, религиозным движением, государством, стремящимися переделать мир в соответствии с определенной идеологией. Анализируя эту модель, А. Моль замечает, что «в действительности данная система в определенном смысле есть лишь важнейший частный случай предыдущей системы»; 3) эклектическая, или «культуралистская», политика, ставящая своей задачей «оснастить» индивидов такой культурой, «которая была бы в некотором роде неискаженным отражением, уменьшенным слепком, «хорошей» выборкой в статистическом смысле из более общей человеческой гуманитарной и гуманистической культуры, — культуры, которую философы, по-видимому, считают воплощающей смысл деятельности человека — завоевание мира силой своих идей»; 4) «социодинамическая» культурная полити-

ка, строящаяся на основе учета факта существования «циклов культуры», «динамического эффекта» — изменения общества во времени, в пространстве и в определенном направлении [8; 298-328]. Сам А. Моль отдавал предпочтение четвертому типу культурной политики.

Известны и другие типологии. Так, канадские ученые Г. Шартран и К. Маккахи, анализируя опыт государственной культурной политики в разных странах, также пришли к выводу о существовании четырех типов поведения государства в отношении культуры. Например, концептуальные установки государства в сфере культуры они сравнили с действиями архитектора. Государство-«архитектор» ведет свою культурную политику как часть социальной, цель ее видит в общем улучшении благосостояния народа. Такой тип политики принят, в частности, во Франции и ряде других западноевропейских государств.

Государство может выступать в роли «помощника». В этом случае в его функции входит организация встречных потоков финансирования культуры, стимулирование частных или коллективных вложений в эту сферу со стороны различных инвесторов. Такая концепция принята в Соединенных Штатах Америки.

Во многих странах Восточной Европы государство выступает в роли «инженера»: в сфере культуры оно создает собственную материальную базу, организует подготовку соответствующих специалистов и в немалой степени подчиняет своим представлениям цели воспитания и образования.

В англоязычных странах, а также в Германии, государство выступает скорее в роли «мецената». Здесь традиционно создание многообразных советов, фондов культуры и искусств, которые, при распределении государственных субсидий не позволяют бюрократии вмешиваться непосредственно в творческий процесс, в деятельность учреждений культуры, получающих финансирование.

В контексте типологии культурной политики Г. Бирженюк акцентирует

внимание на характере взаимоотношений между государством и культурой и на этом основании выделяет две модели этого феномена.

В рамках первой модели государство непосредственно и активно участвует в функционировании культуры, определяя приоритеты ее развития и распределяя соответствующие ресурсы. По второй модели государство вмешивается в вопросы развития культуры в незначительной степени и лишь в тех случаях, когда это необходимо сфере культуры (например, законодательное обеспечение охраны памятников и т.п.) [9].

В России традиционно государство в сфере культуры выступает и в роли «помощника» (по образцу американской модели), поскольку организует различные потоки финансирования искусства, учреждений культуры; и в роли «инженера», так как имеет свою сеть учреждений социально-культурной сферы; и в роли «мецената», потому что содействует образованию разнообразных фондов, так или иначе поддерживает спонсоров, меценатов; и, наконец, в роли «архитектора», поскольку имеет собственную культурную политику как часть политики социальной.

В современной России, сфера культуры которой испытывает многочисленные трудности (разрушение инфраструктуры, потеря для отрасли многих квалифицированных специалистов, вестернизация и т.п.), государство, на наш взгляд, должно бы взять на себя не все, а одну-две приоритетные функции, но осуществлять их неукоснительно. Это важно, поскольку только государство в состоянии, совместно с профессионалами, патриотически настроенными состоятельными людьми сохранить культурное наследие, созданное предками, поддержать сложившуюся в процессе исторического развития многих народов систему ценностных ориентаций, одновременно всячески содействуя культурной модернизации общества.

Эта идея тем более важна, что в российской культуре представлены культуры многих наций и народностей, каждая из которых может развиваться и развивать свою самобытность, будучи одновременно открытой для межкультурного сотрудничества. Известно, что искусственное культивирование самобытности (например, подчеркивание исключительности своей истории) ведет к полному разрыву с внешним миром. На бытовом уровне этот разрыв принимает нередко форму буквально гражданской войны с «иностранцами», на социально-политическом уровне названный процесс приводит к утверждению тоталитаризма в общественной жизни. Так возникают националистические партии и движения, практика подчеркнутого внимания к «коренным», «чистым» нациям, к идеологии «самого прогрессивного класса», этноса и т.п. В таких условиях гибель культуры неизбежна, дело только во времени.

С другой стороны, вредна и абсолютизация открытости национальной культуры, вплоть до растворения ее в другой или других. Это ведет к потере, например, культурной идентичности, языковой самобытности, к утрате собственного исторического лица.

Универсальное значение каждой национальной культуры проявляется и развивается лишь в диалоге культур, в диалогическом сотрудничестве с различными культурами. Предпосылкой, определяющей возможность такого диалога и свободного взаимодействия этих феноменов, является, несомненно, гарантия прав каждого человека и каждой нации, исключение любой дискриминации в этой и в других сферах общественной жизни.

При этом важны не столько декларации относительно прав, сколько глубокие преобразования в социально-политической, экономической, духовной жизни, разработка стратегических ориентиров культурной политики российского государства вообще, возрождения национальных культур, в частности.

Примечания:

1. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России //Федотов Г.П. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. — СПб., 1991.— Т. 2. — С. 278.
2. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России //Федотов Г.П. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х тт. — СПб., 1991. — Т. 2. — С. 215.
3. Там же. — Т. 1.— С. 216; — Т. 2. — С. 100.
4. Там же. — Т. 1. — С. 234.
5. Там же. — Т. 2. — С. 34.
6. Жидков В.С. Культурная политика и театр. — М.: ИздАТ, 1995. — 320 с.
7. Горлова И.И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. — Краснодар, 1998.— С. 71.
8. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 416 с.
9. Бирженюк Г. М. Методология и технологии региональной культурной политики // Панорама культурной жизни Российской Федерации: Науч.-инф. сб.. — М.: РГБ; Информкультура, 2000. — Вып. 2. — С. 14.

References:

1. Fedotov G.P. Fate and the sins of Russia //G.P. Fedotov Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 vols. — SPb., 1991.— Vol. 2. — P. 278.
2. Fedotov G.P. Fate and the sins of Russia // G.P. Fedotov Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 vols. — SPb., 1991. — Vol. 2. — P. 215.
3. Ibid. — Vol 1.— P. 216; — Vol. 2. — P. 100.
4. Ibid. — Vol. 1. — P. 234.
5. Ibid. — Vol. 2. — P. 34.
6. Zhidkov B.C. Cultural policy and theater. — M.: IzdAT, 1995. — 320 p.
7. Gorlova I.I. Cultural policy in modern Russia: regional aspect. — Krasnodar, 1998.— 71 p.
8. Mole A. Sociodynamics culture. M.: Publisher LCI, 2008. — 416 p.
9. Birzhenyuk G.M. Methodologies and technologies of regional cultural policy // Panorama of cultural life of the Russian Federation: Scientific-inf. Sat.. — M.: RSL; Informkultura, 2000. — Vol. 2. — P. 14.